

ДЖЕЙМС ЭДВИН ГАНН

ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ

Понаблюдав некоторое время, как убегает колесо по дороге, Мэтт очнулся от столбняка и погнался за ним.

— Стой! Стой, черт тебя задери!

Колесо с прямо-таки садистским весельем подскочило высоко в воздух и покатилося еще быстрее. Пробежав по жаре еще ярдов сто, Мэтт наконец догнал его и своротил набок. Колесо лежало, крутясь, как перевернутая на спину черепаха. По шее у Мэтта струился пот.

Вблизи словно серебряные колокольчики зазвенели. Смеется кто-то? Лес, редкий у вершин хребта Озарк, постепенно густел, спускаясь к голубому, манящему прохладой горному озеру, но здесь Мэтт не видел никого, кроме какой-то девчонки, бредущей по пыльной дороге с низко опущенной головой — не похоже, чтобы смеялась она.

Пожав плечами, он вытер лоб рукавом. Солнце Южного Миссури в конце июня припекает слишком сильно для какой бы то ни было работы — зря он, кажется, приехал сюда.

Воздух мерцал от зноя, красная пыль медленно оседала. Мэтт покатил колесо обратно к старому зе-

леному «Форду». Оно не сопротивлялось и как будто раскаивалось, что попыталось сбежать, однако перемазался Мэтт порядочно.

Прокол случился на одном из немногих ровных участков, но колесо мчалось как с крутой горки.

И надо же такому стрястись на этом коровьем проселке, в двадцати пяти милях от хижины. Нет бы на шоссе, где можно дотащить до сервиса. Бегство колеса достойно замыкало серию мелких досадных случайностей, оставивших болезненные следы на гоньях и костяшках Мэтта.

Ну что ж, он сам стремился к уединению, потому и согласился, когда Гай предложил ему свою охотничью хижину. Идеально, казалось бы, для написания книги... именно что «казалось». Похоже, здесь уйму времени придется потратить на элементарные бытовые проблемы.

Мэтт осторожно уложил колесо позади машины, достал из багажника запаску, надел ее на левую заднюю ось, прикрутил и вздохнул — на этот раз с облегчением.

Дзынннь! Кланг!

Мэтт посмотрел вниз. Из колпака, дюймах в двух от его ноги, только что выпала последняя гайка.

Его ругань, долгая и подробная, включала в себя непристойные действия с неодушевленными предметами.

Есть в машинах нечто кардинально чуждое человеку. Сначала они прикидываются покорными рабами, а потом, в один прекрасный момент, восстают против своих хозяев.

Хотя, возможно, все дело в самом человеке. У одних все идет через пень-колоду: бутерброды падают

маслом вниз, полки валяются, мячи для гольфа улетают в лесную чащу, другим же вещи служат безропотно. Чем объяснить этот мистический союз — удачей, мастерством, опытом? Мэтт подозревал нечто более сознательное и даже зловещее.

Взять хоть его катастрофические занятия химией. Чуть экзамен не завалил, хотя делал все как положено: выделил, профильтровал, растворил, снова выделил. Профессор — как же его звали, Уодсуорт? — прочел результаты, нахмурился и спросил:

— А окиси вы там, случайно, не обнаружили?

— Окиси? — растерялся Мэтт. — Нет там никакой окиси.

После простейшего опыта окись, конечно, нашлась.

Вспомним также стычки с фрезерным станком и с рейсфедером, который отказывался провести прямую линию, хоть убей. Решив, что с такими руками инженера из него не получится, Мэтт перенес свои интересы в менее материальную область и теперь сомневался, правильно ли он поступил.

Что на этот раз? Кобольды, зловредные духи? Может выйти хорошая статья для «Джорнэл оф»...

Смех, точно смех. Та девчонка подошла совсем близко и хихикала почему зря. Лет тринадцати, не выше пяти футов росточком, в выцветшем бесформенном синем платье, с грязными босыми ногами и длинными, мышинового цвета косами. Совсем дурнушка, если бы не большие голубые глаза.

— Что смешного? — прорычал Мэтт.

— Вы б лучше на лошадь сели.

— Эта шутка только что дошла до ваших краев?

Мэтт, злой как черт, собрал гайки. За одной, конечно, пришлось лезть под машину.

— Чего ты тут стоишь? — рявкнул он.

— Так просто.

Ну что с ней такой поделаешь. Мэтт снова затянул гайки. Потная шея свербела, но чесаться при девчонке он не хотел.

— Шла бы ты домой, — сказал он, вставая.

— Нельзя мне.

— Что значит — нельзя? — Мэтт убрал домкрат.

— Я сбежала. — Голубые глаза увлажнились, одинокая слеза прочертила дорожку на грязной щеке.

Мэтт, не позволяя себе расчувствоваться, закинул в багажник спущенное колесо, захлопнул крышку. Солнце уже снижалось, а двадцать пять миль на этой богом забытой дороге займут добрый час.

Он сел за руль, запустил двигатель, оглянулся на понурюю маленькую фигурку и отпустил сцепление.

— Мистер! Эй, мистер!

Он затормозил и высунулся в окно.

— Что еще?

— Домкрат забыли.

Мэтт, сдав назад, молча вышел, уложил в багажник домкрат, спросил:

— И куда же ты теперь?

— Никуда.

— Что значит — никуда? Родственники у тебя есть? — Она печально потрясла головой. — А друзья? — Тот же ответ. — Значит, возвращайся домой!

Мэтт хлопнул дверцу. Не его это дело. Проголодается — вернется как миленькая. Он включил вторую скорость. А нет, так кто-нибудь ее подберет. Он, в конце концов, не благотворительная организация.

Он опять сдал назад и сказал:

— Залезай.

* * *

Девчонка, подскакивая на ухабах, пицала в полном восторге.

— Осторожно, не урони. — На сиденье между ними лежала стопка картонных папок. — Я, между прочим, год над этим работал. — Мэтт переложил их назад, на пишущую машинку, воткнутую между двадцатифунтовым мешком муки и коробкой с яйцами.

— Целый год?

— Да. Это заметки для книги.

— Так вы книжки пишете?

— Это будет научный труд. По психологии. Если точнее, о полтергейсте.

— Чего это — пол-тер-гейст?

— Немецкое слово. «Полтер» значит «шумный», «гейст» — дух. Шумный дух.

— А, про духов, значит, — со знающим видом сказала она.

— Это просто суеверие, — нетерпеливо пояснил Мэтт. — Люди приписывают духам то, чему не могут найти научного объяснения. Нет никаких духов, которые переворачивают столы, стучат или швыряют предметы. Все это можно объяснить вполне естественным образом. Но ты, наверно, не любишь читать?

— Нет, люблю.

— Ну уж точно не научные книжки.

— Всякие. Про полтергейстов особенно.

Мэтт почему-то ощутил раздражение.

— А где ты живешь?

Она замерла, перестав подпрыгивать.

— Я домой не пойду.

— Почему это? Только не говори опять, что сбежала, — гнусаво передразнил он.

— Па опять с меня шкуру спустит.

— Он тебя бьет?

— Угу, все больше ремнем. Вот, глядите. — Она задрала юбку и засучила штанишки, сшитые, похоже, из мешковины.

Мэтт взглянул и тут же отвел глаза. Бедро с большим темным кровоподтеком было слишком округлым для тринадцатилетней. Он где-то читал, что девочки в этих горах взрослеют раньше обычного.

— За что он тебя так?

— Да просто злится.

— Ну какая-то причина ведь должна быть.

— Когда пьяный, бьет, потому что выпил, а когда трезвый — потому что не выпил еще. Вот так вот.

— Но говорит-то он что?

— Не могу повторить, — потупилась девочка.

— Хорошо, но чего он от тебя хочет?

— А-а! — Она поразмыслила. — Чтобы я замуж вышла. Нашла себе парня, который переедет к нам и будет работать. От девчонок, говорит, проку нет, зря только хлеб едят.

— По-моему, ты еще мала для замужества.

— Мне шестнадцать, — сообщила она, посмотрев на него краем глаза. — У сверстниц моих по ребятенку уже, а то и по два.

Шестнадцать! Не может быть. Это ее платье, впрочем, скрывает многое... не забудем и про бедро.

— Замуж, замуж! — проворчала она. — Как будто я сама не хочу. Я не виновата, что парни от меня бегают.

— С чего бы это? — саркастически ввернул Мэтт.

— Вы такой милый, — улыbnулась она. Она становилась почти хорошенькой, когда улыбалась, — с поправкой на местность.

— Нет, правда: почему они бегают?

— Из-за па тоже, кому охота с ним в одном доме жить. А так я, наверно, невезучая просто. Почти год с одним гуляла, а он ногу сломал. Другой упал в озеро и чуть не утоп. И все, главное дело, меня винят! Ну поругались мы, и чего?

— Тебя, говоришь?

Она энергично кивнула.

— Которые подбрее говорят, что я приношу несчастье, а другие и вовсе невезь чего выдумывают. Вот парни больше и не ходят ко мне. Я, говорят, раньше на пуме женюсь. А вы женаты, мистер?..

— Райт, Мэтью Райт. Нет, не женат.

— Райт, — протянула она. — Эбигейл Райт. А что, красиво.

— Эбигейл Райт?

— А я чего, так сказала? Смешно... Вообще-то я Дженкинс.

Мэтт сглотнул и сказал твердо:

— Я отвезу тебя домой. Говори, как проехать, или вылезай прямо здесь.

— Так ведь па...

— Куда ты, собственно, собралась со мной ехать?

— К вам, куда же еще.

— Это неприлично.

— Да? Почему?

Мэтт мрачно притормозил.

— Ладно, — покорила она с видом христианки, идущей к львам на арену. — На следующем перекрестке направо.

Куры, квохча, разбежались, свиньи в хлеву за домом подняли визг. Домик из двух комнат с косой ве-

рандой если и был знаком с краской, то шапочно и очень давно.

В шатком кресле на веранде покачивался крупный чернявый мужчина с буйной шевелюрой и густой бородой.

— Па, — шепотом пояснила Эбигейл.

Мужчина продолжал покачиваться как ни в чем не бывало. Ему что, каждый день дочь обратно привозят? Может, и так.

— Все, приехали, — нервно объявил Мэтт.

— Не могу я выйти, он на меня сразу накинется. Вы с ним поговорите сначала, спросите, зол он на меня или как.

— Ну уж нет, — сказал Мэтт, посмотрев еще раз на молчаливого папу. — Я свой долг выполнил, привез тебя, а теперь до свидания. Не сказать, чтобы рад был с тобой познакомиться.

— Вы такой хороший, такой красивый. Не хочу говорить папе, что вы мной попользовались. Он просто жуть какой, когда обозлится.

Мэтт после долгой паузы вылез, подошел к веранде, занес ногу на ступеньку.

— Я тут вашу дочь на дороге встретил...

Качалка не останавливалась.

— Она убежала, — добавил Мэтт.

Дженкинс молчал. Выражение верхней, не закрытой волосами части его лица при ближайшем рассмотрении сильно не понравилось Мэтту.

— Я привез ее обратно домой.

То же качание и то же молчание. Мэтт, быстро вернувшись к машине, достал из бардачка пинту бурбона.

— Напомни мне больше с тобой не встречаться, — сказал он Эбигейл и спросил ее отца: — Выпить хотите?

Одна ручища прижала бутылку к нагруднику выцветшего комбинезона, другая открутила колпачок. Бутылка запрокинулась к некрашеному потолку, нырнула в нечесанные баки, забулькала и вернулась ополовиненная.

— Слабовато, — сказал Дженкинс, однако бутылку не отдал.

— Я привез домой вашу дочку, — повторил Мэтт.

— Зачем?

— Больше ей идти было некуда. Она, как-никак, здесь живет.

— Она сама отсюда сбежала.

— Да, я знаю. Девчонки этого возраста кого угодно довести могут. Пообщавшись с вашей, я в чем-то вас понимаю, но она все-таки ваша дочь.

— На этот счет у меня есть сомнения.

Мэтт набрал воздуха и попытался еще раз:

— В семьях приходится уступать друг другу. Даже если дочь выводит вас из себя, бить ее не годится. С точки зрения психологии...

— Бить? — Дженкинс поднялся с качалки, как Нептун из морской пучины. Мэтт был ростом около шести футов, но фермер, даже учитывая высоту веранды, превышал его на несколько дюймов. — Да я ее сроду пальцем не трогал.

Пораженный Мэтт заметил, что Дженкинс дрожит.

— Заходите. — Хозяин показал бутылкой на темный дверной проем.

Мэтт нерешительно вошел внутрь. Под ногами что-то хрустело.

Дженкинс зажег керосиновую лампу, и перед Мэттом предстала картина разгрома. На полу битая посуда, стулья разломаны. Стол задрал кверху три ножки, четвертая валялась отдельно.

— Это все она? — пролепетал Мэтт.

— Вы еще вторую комнату не видали. — Голос у Дженкинса тоже дрожал, что при его масштабах прямо-таки пугало.

— Но как? Верней, почему?

— Я не говорил, что это Эб. — Дженкинс мотнул бородищей, и стоящему рядом Мэтту захотелось чихнуть. — Оно само по себе делается, когда ее что расстроит. А она сильно расстроилась, когда ее Дунканов парень бросил. Стулья подскакивали и бились об пол, стул плясал по всей комнате, посуда так и летала. Да вот, гляньте! — Он отвел длинные патлы с затылка и показал большую красную шишку. — Даже думать неохота, что с самим парнем станет. Надо бы поучить девку, так? Надо-то надо, но я скорей суну руку в гнездо к гремучкам.

— Само по себе, говорите?

— Ну да. Что, не верится? Я бы тоже не поверил, кабы сам не видал и не испытал на себе. — Дженкинс потер свою шишку. — Такое и раньше случалось, лет пять-шесть как началось. Стала Эб в возраст входить, оно и...

— Ей же всего шестнадцать.

Дженкинс, посмотрев через дверь на машину, снизил голос до хриплого шепота:

— Какое там, за восемнадцать перевалило. Это она просто выглядит как малявка... вы уж не выдавайте меня.

Единственная уцелевшая тарелка слетела с полки и разбилась у самых ног Дженкинса. Он отскочил и затрясся еще сильнее.

— Вот, видали?

— Упала, — сказал Мэтт. — Бывает.

— Околдовали ее, вот что. — Дженкинс судорожно глотнул из бутылки. — Может, я ей плохим отцом был. Как мать померла, так она и давай чудить. Не сказать, чтобы только к худу: за водой мы давно не ходим, бочка у веранды завсегда полная. Но как заневестилась она да начала из-за ухажеров переживать, жизни не стало вовсе. Люди нас стороной обходят, вещи скачут по всему дому — на стул и то страшно сесть. Мочи уж нет, сынок! — Глаза Дженкинса, к ужасу Мэтта, налились слезами. — Выпить и то больше не с кем, да и в страду никто не поможет. А у меня спина больная, утром иной раз с постели трудно подняться. Слушай, сынок: ты человек городской, ученый и Эб вроде бы приглянулся. Забрал бы ее с собой, а? — Мэтт попятился к двери. — Она знаешь как хорошо готовит, сковородка у ней точно к руке приросла. Я ж не прошу тебя жениться, это не обязательно.

Мэтт продолжал пятиться, мотая головой что есть силы.

— Вы с ума сошли. Не могу же я увести девушку просто так. — Он уже собрался улепетнуть, но тяжелая рука удержала его на месте.

— В наших краях всякий, кто провел больше двадцати минут наедине с девушкой, обязан на ней жениться. Тебя я, поскольку ты приезжий, не заставляю, но Эб ведь сама от меня ушла, и незачем было обратно ее везти. Знаешь, сколько ест эта девка? Больше меня.

Мэтт достал из бумажника двадцать долларов.
— Вот, держите. Это немного скрасит вам жизнь.
Дженкинс потянулся было к деньгам и отдернул руку.

— Не. Ты ее привез, ты и увези.

Мэтт, содрогнувшись, добавил еще одну двадцатидолларовую бумажку.

Дженкинс, обильно потея, зажал банкноты в ладони.

— Ладно, уговорил.

Мэтт, точно вырвавшись из сумасшедшего дома, рванул дверь машины.

— Вылезай, все в порядке.

— А как же па?

— С этих пор он будет для тебя нежным отцом. До свидания.

Эбигейл вышла и зашагала к веранде. Дженкинс съежился и как-то сразу уменьшился.

— Мерзкий, грязный старикан, — сказала она, проходя в дом. Он хотел опять глотнуть из бутылки, но та загадочным образом опрокинулась над его головой и вылила весь бурбон ему на макушку.

Дженкинс, став еще больше похож на Нептуна, устремил скорбный взгляд на Мэтта. Тот поскорей развернулся и выехал со двора. Оптический обман, несомненно. Не может бутылка висеть в воздухе без всякой поддержки.

Гай дал ему подробные указания, как найти хижину, но Мэтт колесил по горам уже два часа и зверски проголодался.

На четвертом заходе ему вроде бы попался подходящий под описание домик, только там, судя по све-

ту в окнах, уже кто-то жил. Мэтт подъехал к нему по крутой аллее, надеясь хотя бы дорогу узнать.

У двери его встретил запах поджаренного бекона. Мэтт постучался, глотая слюнки. Вдруг и поужинать пригласят?

Дверь открылась.

— Чего вы так долго?

— Нет... — заморгал он. Прямо как в старом водевиле, где пьяный раз за разом стучится в один и тот же гостиничный номер и под конец жалобно спрашивает: «Вы что тут, все номера занимаете?» — Что ты здесь делаешь? Как ты...

Эбигейл втащила его через порог. Чистота, все сияет, обе нижние койки аккуратно заправлены, на столе два прибора.

— Па передумал, — объяснила она.

— Это нечестно. Я ему дал...

— Вот, держите. — Она достала из кармана две скомканные двадцатки, добавив к ним доллар и тридцать семь центов мелочью. — Па прислал бы больше, да нету. Он харчами добавил.

Мэтт тяжело опустился на стул.

— Я не говорил тебе, где эта хижина. Я сам не знал где. Как же ты...

— Я это умею — места находить и вещи потерянные. Как кошка.

— Но как ты сюда добралась?

— Приехала. — Мэтт невольно покосился на стоящую у стенки метлу. — Па мула мне дал. Я его отпустила, он домой сам вернется.

— Нельзя тебе оставаться здесь. Это попросту невозможно!